

На правах рукописи

Васильев Владимир Кириллович

**Сюжетная типология жанра жития
в русской литературе XI-XVI веков**

Специальность
10.01.01 – «Русская литература»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

ТОМСК – 2008

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет» на кафедре древних литератур и источниковедения

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Дергачева-Скоп Елена Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Бахтина Ольга Николаевна

кандидат филологических наук

Журавель Ольга Дмитриевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Красноярский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится 6 марта 2008 года в ____ ч. ____ мин. на заседании
диссертационного совета Д.212.267.05 при Томском государственном
университете по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского
государственного университета

Автореферат разослан « ____ » _____ 2008 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
профессор

Л.А. Захарова

Дореволюционная *научная традиция* исследования жанра русского жития (ведущая отсчет от второй половины 60-х гг. XIX в.) представлена прежде всего трудами И.С. Некрасова, В.О. Ключевского, И.А. Яхонтова, А. Кадлубовского, Н.И. Серебрянского. Для нас работы названных авторов ценны некоторыми конкретными наблюдениями и выводами, вводящими в русло темы данного диссертационного исследования. Например, В.О. Ключевский писал, что «для жития дорога не живая цельность характера с его индивидуальными особенностями <...>, а лишь та сторона, которая подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал», «изображения дают лишь "образы без лиц". И в древнейших и в позднейших житиях неизменно повторяется один и тот же строго определенный агиобиографический тип»¹. Ученый рассматривал и устойчивые элементы, составляющие жизнеописание святого. И. Яхонтов отмечал, что северно-русские поморские жития написаны по прежним образцам, создавая ряд повторяющихся сюжетов, и дают материал «только разве для изучения идеальных взглядов на подвижничество». Оба автора, говоря современным научным языком, подчеркивали «этикетную», каноническую, инвариантную основу жития – единство типа и сюжета, обнаруживая при этом их повторяемость.

В советский период главным препятствием для изучения агиографических текстов явились общественные идеологические установки. Из работ 70-80 гг. XX в. (Л.А. Дмитриева, В.А. Грихина, А.М. Панченко, Б.И. Бермана) для нас оказалось наиболее продуктивно обращение к трудам Л.А. Дмитриева, опять же в связи с интересом ученого к *житийному сюжету и его составляющим*.

Необходимо отметить, что в советский период исследователями была проделана огромная работа по изучению *отдельных* агиографических произведений. С разной степенью полноты были изучены практически все известные и малоизвестные произведения русской житийной традиции, что заложило основу для дальнейших типологических исследований.

Что касается типологии, то в этом аспекте жития не изучались очень долго. Ситуация начала меняться лишь в последние годы. И здесь мы выделили бы статьи Т.Р. Руди и О.В. Панченко (изданные в 2001–2007 гг.). Выделили потому, что в них прослеживается четкость при теоретической постановке проблем, при этом (*и потому*) интересны и значительны, на наш взгляд, результаты (полученные Т.Р. Руди). Одним из основных «обобщающих» понятий, с которым работает исследовательница, является

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1988. – С. 436.

«топика». Оно включает в себя более частные: «"типические черты", "общие места", клише, повторяющиеся мотивы, устойчивые (трафаретные) литературные формулы и т.д.»². Т.Р. Руди исходит из положения «о том, что художественный канон, <...> литературный этикет и ориентация на образцы (*imitatio*), являются одной из основ средневековой поэтики»³. Она пытается решить проблему выявления типологии агиографических топосов «в связи с типом святости»⁴, результатом чего, в частности, явилось построение схемы монашеского жития.

Данный подход ценен, на наш взгляд, прежде всего тем, что он адекватен предмету, его природе. Кроме того, он требует применения строгой научной методики и в этом воинствующе противостоит так называемому аморфному литературоведению.

Наши исследования, начатые в 1987–1989 гг.⁵, явились попыткой рассмотреть *жанровые разновидности древнерусской агиографии* XI–XVI вв. с позиции *сюжетной* типологии. Такой подход позволил описать, в том числе, структурно-типологическую модель «жития-мантирия», выявить и рассмотреть типологически сходную структуру в «воинских повестях агиографического типа» и в цикле сочинений А. Курбского. Материал вывел на описание сюжета-архетипа (генезиса) и в целом на проблему (историко-функциональную) исследования в области «национального сюжетного пространства» (Ю.М. Лотман).

Актуальность и научная новизна исследования.

Неизменно на протяжении веков в центре внимания авторов русских житий находился «внутренний человек», его судьба от рождения и до смерти, душа в высших ее проявлениях (святости), равно как и в самой бездне падения. В этом отношении житие – уникально, его опыт постижения человека бесценен (тем более что он наследован новой литературой).

Актуальность диссертационной работы обусловлена значительно возросшим интересом ученых к исследованию агиографических текстов (в том числе типологическому), к изучению ментального и поискам точных, адекватных методов в этой сфере, к проблемам исторической поэтики,

² Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. - СПб., 2006. - Т. 57. - С. 432.

³ Там же. С. 433.

⁴ См.: Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. - СПб., 2005. - С. 59-101.

⁵ См.: Васильев В.К. Век XI и век XX: два сюжета русской литературы // Материалы XXVII Всесоюзной науч. конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. - Новосибирск, 1989. - С. 78–84.

теории мифа и архетипического. Кроме того, ситуация в современном литературоведении характеризуется не просто популярностью и актуальностью религиозной тематики (в изучении агиографии, выявлении христианского, библейского «кода» русской литературы и пр.), а сверхинтересом ученых к этой теме. Дело не только в прорыве после долгого молчания и уж ни в коем случае не в спекуляциях и моде. Абсолютно прав В.С. Непомнящий в определении данного вопроса как вопроса «национальной самоидентификации» и «одного из вопросов жизни и смерти нации и культуры».

В работе первые ставится проблема изучения типологии жанра жития в русской литературе XI–XVI вв. через реконструкцию сюжета-архетипа, обслуживающего не только агиографическую литературу, но и коррелирующую с ней.

Объект исследования – житийные и типологически сходные с житиями тексты русской литературы XI–XVI вв.

Предмет исследования – структура «преподобнического» и «мученического» жития, аналогичные структуры, функционирующие в контексте «других» жанров русской литературы XI–XVI вв.

Цель исследования – выявление сюжетно-композиционных моделей жанра жития, реконструкция генезиса и описание функционирования моделей двух разновидностей жанра – «преподобнического» и «мученического» жития – в историко-литературном процессе XI–XVI вв. Достижение поставленной цели основано на решении **конкретных задач**:

1. *построении* сюжетных моделей «преподобнического» и «мученического» жития;

2. *реконструкции* архетипического сюжета о Христе и Антихристе, к которому генетически восходят жизнеописания во *всех* разновидностях «жития» и типологически сходных жанрах;

3. *описании* функционирования указанных и типологически сходных моделей в историко-литературном процессе XI–XVI вв.

Методологической и теоретической базой диссертации являются:

1) типологический метод, связанный с представлением о жанре как структурно сформированной целостности; 2) генетический подход, выводящий на проблему архетипа *сюжетной* структуры жанра; 3) историко-функциональный подход, плодотворно используемый для описания литературных текстов как исторически развивающихся систем во всей совокупности присущих им связей и отношений; 4) историко-литературный подход, позволяющий осмыслить характер литературных явлений как исторически обусловленных систем.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в исследованиях по истории русской литературы, теории литературных жанров, в общих и специальных курсах, учебных пособиях по истории русской литературы, творчеству авторов рассмотренных произведений, методике анализа текстов агиографической традиции, русской истории, культурологии и пр. Учебное пособие к спецкурсам (Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). Ч. 1. – Красноярск, 2006. – 243 с.), написанное на материале диссертационного исследования, рекомендовано Сибирским региональным учебно-методическим центром высшего профессионального образования для межвузовского использования в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 031001 («Филология»), 030601 («Журналистика»), 030301 («Психология»), 031401 («Культурология»).

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на международных конференциях и симпозиумах: Вторая научная конференции «Феномен творческой личности в культуре» (Москва, 26-27 октября 2006 г.); «II Ремезовские чтения» — «Провинция в русской культуре» (Тобольск, 21–24 апреля 2005 г.); «Книга и литература в культурном контексте» (Новосибирск, 28-30 мая 2001 г.); «Проблемы литературных жанров» (Томск, 7-9 декабря 1988 г.) «Культура русских липован (русских старообрядцев) в национальном и международном контексте» (Бухарест, 1-4 октября 1993 г.); на всероссийских конференциях: «XXVII Всесоюзная научная конференция "Студент и научно-технический прогресс"» (Новосибирск, апрель 1989); «Воспитание исторического и национального самосознания в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла» (Канск, 1996, 1997); «Славянский мир на рубеже веков» (Красноярск, 1997); на «Региональной научно-практической конференции "Культурология и художественная культура"» (Красноярск, 24-25 марта 2000 г.) и др. Материал, полученный в ходе диссертационного исследования, много лет используется в лекционных курсах по истории русской литературы, в проведении семинаров и коллоквиумов, а также в спецкурсах: «Сюжетная типология русской литературы XI–XX вв.», «Новые аспекты литературоведения» и др.

Публикации. По теме диссертации опубликовано 19 работ (в том числе 2 учебных пособия, 4 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией) общим объемом более 30 печатных листов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Разновидности жанра древнерусского жития («преподобническое» и «мученическое») сводимы друг к другу в системе тождественных сюжетных мотивов, воплощающих семантику пути и подвига святости.

2. При этом не существует единого литературного канона жития, каждая из разновидностей обладает специфическим сюжетно-композиционным строением.

3. Жизнеописание мучителя, героя-злодея, в житии-мартирии и структурно идентичных текстах восходит к сюжету-архетипу об Антихристе.

4. Структура, аналогичная структуре жития-мартирия, реализуется в самых разнообразных в жанровом отношении произведениях:

4.1. в древнерусских «воинских повестях агиографического типа»,

4.2. она способна «моделировать» авторскую «картину мира», в частности, - в цикле сочинений А. Курбского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения и списка использованной литературы, включающего 208 наименований. Общий объем работы 210 страниц.

Основное содержание работы.

Во Введении обоснована актуальность темы, дан анализ современного состояния проблемы в историко-литературных исследованиях, рассмотрена степень ее изученности в типологическом аспекте, определены цели и задачи, объект и предмет, представлена методологическая база исследования, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Русское «преподобническое» и «мученическое» житие XI – XVI веков. Сюжетная типология жанра. В главе описаны составляющие сюжетно-композиционной структуры названных разновидностей жития, выстроены их структурно-типологические модели, выявлен генезис жанровой структуры в целом, рассмотрены особенности функционирования модели «мученического жития» (именно ее исследованию отдан приоритет в настоящей работе). Установлено, что данная модель способна к реализации *вне жития*, в других жанрах, что позволило, в свою очередь, выявить структурное сходство текстов, казалось бы, абсолютно несхожих.

Модели жизнеописания преподобного и мученика построены на основе анализа сюжетно-композиционной структуры житийных текстов и обращения к работам предшественников: В.О. Ключевского, Хр. Лопарева,

П. Безобразова, В.В. Болотова, В.П. Адриановой-Перетц, М.О. Скрипиля, Л.А. Дмитриева, С.В. Поляковой, Т.Р. Руди, О.В. Панченко и др.

Модель преподобнического жития понадобилась нам для сопоставления с другой сюжетной моделью – мученического жития, для выявления сходства и различия обеих. Смыслы, которые несет топика монашеского жития, позволили также глубже понять специфику ратного служения, образа и пути воина, героя воинской повести.

Сюжетная композиция жития-маририи имеет более сложное строение в сравнении с композицией преподобнического жития. Исследователи, обращавшиеся к жанру жития-маририи, интересовались более и прежде всего героями-святыми. И это вполне объяснимо, мученик – центральное лицо повествования. Но конкретные тексты могут содержать и детальное *жизнеописание мучителя*. Изучение последнего имеет самостоятельный и очень важный смысл не только для выявления полной картины, представленной текстом, но и для *построения сюжетной типологии жития, и, как выясняется, типологии произведений, принадлежащих к другим жанрам*.

Сюжетными составляющими модели жизнеописания героя-мученика являются: предварительные сведения (исторические или легендарные) о событиях, приведших к гибели мученика (экспозиция); рождение от «блаженных» («святых», «благочестивых», «христолюбивых») родителей; раннее проявление любви к Богу, интереса к христианскому учению, грамоте и книжности (будущий мученик читает прежде всего жития-маририи); желание мученической смерти; конфликт с иноверцем (заклЮчение, прение о вере: обличение язычества, отказ выполнить языческий / нехристианский обряд, защита догматов христианской веры; приговор, казнь); посмертные чудеса.

Основные сюжетные элементы жизнеописания героя-злодея, мучителя: рождение *«от блуда»*; злая судьба (трагическая судьба–предопределение: герой не властен над ней, он не может избавиться от тяготеющего над ним проклятия, греха родителей) - злое начало проявляется в поступках, совершаемых им на пути к власти (*убийстве, обольщении, лжи*), мотивах *гордыни и маски*; злая смерть, предстающая как *«возмездие Божие»*.

В полном виде биография, на основе которой построена модель жизнеописания героя-злодея, содержится в текстах борисоглебского цикла, в Летописной повести и в «Сказании» (далее – Лп. и Ск.). Мучителем является брат Бориса и Глеба, князь Святополк. Он злодей *по своей природе*. Святополк рожден монахиней-гречанкой (приведенной на Русь его дедом, князем Святославом). Его подлинный отец, Ярополк, был убит (в 980 г.) братом Владимиром в борьбе за киевское наследие. Последний не

устоял перед красотой жены убитого и взял ее за себя беременной Святополком. Летописец обвиняет Владимира в прелюбодеянии. Однако в абсолютной степени греховную природу сына определила вина матери, расстриженной монахини. *«От греховнаго бо корени золь плодъ бываетъ: понеже бе была мати его черницею»* (Лп.). Святополк от рождения лишен выбора между добром и злом. Его участь – делать зло. В Лп. герой предстает как «злой человек», изгой, противник Бога и Божьего креста. Его природное состояние – грех. Замыслив убийство Глеба после расправы над Борисом, преступный князь рассуждает: «Зане его же [Бориса] Господь възлюбѣ, а азъ погнахъ и къ болезни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безаконіе. *Обаче и матере моя грехъ да не оцеститься и съ правдыными не напишюся, нъ да потрѣблюся отъ книгъ живущиныхъ*».

В своих деяниях (функциях) Святополк – *лжец, оболститель и убийца*. Этими способами он пытается осуществить «высокоумную» (гордую, дьявольскую) мысль - *захватить власть* в Киевской Руси. За злой жизнью следует и злая смерть. В историю князь-братоубийца вошел под именем Святополка *Окаянного*. Смысл его деяний определяет именно данный эпитет (окаянный – «проклятый, отверженный церковью»). Законы мифологемы «имя есть судьба», трансформировали имя Святополка от семантики святости и воинствования к символу нечистого, антихристианского, отреченного.

Размышления Святополка о «книге жизни» (Ск.) обнаруживают общность образа князя-братоубийцы с образом апокалипсического зверя. «Озеро огненное, горящее серою», куда низвергнут зверь и лжепророк, есть ад, бездна, где суждено мучиться каждому, «кто не был записан в книге жизни» [Апок. 20, 15]. В возмездии от Бога - конечная участь «человека греха», Антихриста. В целом проблема оказывается связанной с *решением вопроса о генезисе сюжетной структуры жития, описанием сюжета-архетипа о Христе и Антихристе*.

Термин «архетип» предложен основателем «аналитической (глубинной) психологии» К.Г. Юнгом для характеристики содержания «**коллективного бессознательного**». В связи с этим следует говорить об изначальных идеях, мотивах, образах, которые «имеют свое происхождение в архетипе» и «которые **неожиданно обнаруживаются повсюду**». К.Г. Юнг подчеркивает, что архетип имеет структурную природу. Для литературоведа несомненный интерес представляет то, что *структурные архетипические модели лежат в основе устной и письменной культуры от архаичной мифологии до литературы сегодняшнего дня*. Задача исследователя - обнаружить и описать их. Сделать это достаточно сложно в силу ряда причин. В частности, потому,

что одним из сущностных свойств структуры является способность к трансформации. Отсюда трудность ее узнавания - выявления общего в том, что воспринимается как совершенно разнородное и несопоставимое. Наличие архетипической структуры в том или ином произведении отнюдь не очевидно даже для специалиста, читатель же остается, в принципе, вне данной проблематики. Между тем *описание архетипического дает ключ к скрытым (бессознательным) смыслам текста, которые невозможно постигнуть иными путями и без понимания которых текст фактически остается непрочитанным.*

Жизнеописание Антихриста представляет типологическую параллель биографии героя-злодея, мучителя, а жизнеописание Христа – биографии святого (главного героя любого типа жития).

Сюжет о Христе носит канонический характер, он описан, прежде всего, в Четвероевангелии. Жизнеописание Антихриста в сюжетно законченном виде не было описано никем и никогда. *Оно сложилось частью в библейских текстах, частью в экзегетике и в апокрифической литературе.* Сюжет об Антихристе сформировался как некий антитекст по отношению к сюжету о Христе.

Христос искупает последствия грехопадения уже тем, что сам рождается вне плотского совокупления – от непорочного зачатия. Все варианты рождения Антихриста: 1) «от жены жидовки, от колена Данова»; 2) от монахини; 3) от блудницы; 4) от инцеста и др., – в сущности, сводятся к одному: он рождается *от блудной, греховной, незаконной связи.*

Христос – богочеловек, пришедший искупить первородный грех, дать человечеству возможность спасения, жизни вечной (другие его имена – Искупитель и Спаситель). Антихрист – «человек греха, сын погибели» [2 Фесс. 2, 3], приходящий в конце «времени», чтобы соблазнить и погубить поддавшихся искусу и последовавших за ним.

Христос – подлинный учитель [см.: Матф. 23, 8], он пришел в мир, чтобы открыть Истину и указать Путь [см.: Ио. 14, 6]. Антихрист – *лжепророк и лжеучитель, «дух заблуждения»* [1 Ио. 4, 2]. Он *«лжец»* [1 Ио. 2, 22], и его образ коррелирует с образом дьявола, «лжеца и отца лжи» [Ио. 8, 44].

Антихрист, претендующий на роль Христа, его место и власть над душами людей, выступает в роли *обуянного гордыней* самозванца и ложного двойника Христа [см.: 2 Фесс. 2, 4]. Он – *некто в маске добродетели.* Скрывая под личиною свою подлинную природу, он выдаст себя за Христа и предстанет им в глазах тех, кто введены в соблазн (греч. *анти* не только «против», но и «вместо»). Он – *обольститель*, как всякий неисповедующий Христа [см.: 2 Ио. 1, 7]. Он наделен, как и Христос, силой

чудотворения, но эта сила от дьявола [см.: 2 Фесс. 2, 9; ср.: Апок. 13, 14]), и лишь благодаря своей связи с ним он добивается господства и власти над людьми [см.: Апок. 13, 2]).

Дьявол есть «искони человекоубийца» [Ио. 8, 44]. Его посланник Антихрист, отвергая Истину и утверждая насилием свое ложное учение, сделает так, «чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» [Апок. 13, 15]. Если Христос дал человечеству закон, главнейшая заповедь которого – «не убий», то Антихрист – человек вне закона. Он отвергает все заповеди Христа. *Гордыня* – основная психологическая черта в его образе-характере; *обольщение, проповедование лжи (блуда), убийство* – основные функции, закрепленные за ним. Его цель – *власть*.

Конечная участь Христа – воскресение через мученическую смерть на кресте (второе рождение). Конечная участь Антихриста: 1) «Иисус убьет [его] духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» [2 Фесс. 2, 8]; 2) быть живым «брошенным в озеро огненное, горящее серою» [Апок. 19, 20] (смерть вторая). Таким образом, *отношения Христа и Антихриста определяют непримиримый духовный конфликт, заканчивающийся победой Христа*.

Христос и Антихрист воплотили два различных пути на земле. Христос – путь святости [см.: 1 Петра 1, 16]), спасения и истины. Рожденный от блуда Антихрист – путь лжи, заблуждения и гибели.

Семантика слов с корнем **blud/bljad'* в древнерусском языке замечательно иллюстрирует смыслы сюжета об Антихристе (он предстает в качестве универсального блудника): 1) «блуждание» («блуждать», «скитаться», «плутать»); 2) «заблуждение», «ошибка» («заблуждаться», «ошибаться»); 3) «обман», «ложь», «ересь» («обманывать», «лгать», «вводить в заблуждение», «проповедовать ложное учение»); 4) «разврат», «распутство», «прелюбодеяние», «незаконное, безбрачное сожитие» («развратничать», «прелюбодействовать», «сожительствовать»); 5) «уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле» («уклониться от истинного пути», «встать на ложный путь, путь гибели»)⁶.

Таким образом, жанр любого жития в жизнеописании святого восходит к архетипическому сюжету о Христе (проблема «imitatio Christi»), жизнеописание героя-злодея, мучителя в житии-мартирии – к сюжету об Антихристе («imitatio Antichristi»). В основе жизнеописаний

⁶ Блуд, с точки зрения русского человека средневековья, не только прямая ложь, но и «пустословие», «празднословие», «болтовня», «вздор» (вздорное слово) и т.п. Соответственно, «болтун», «пустослов», «пустомеля» – «блядословец».

героя жития и его антагониста (каковым выступает «мучитель») лежит генетически общий архетипический сюжет.

Глава 2. Реализация структуры «жития-мартирия» вне жанра. «Воинская повесть» и «житие». Глава посвящена описанию структуры сюжетно-композиционного пространства древнерусских «воинских повестей агиографического типа» и связанной с этим проблеме функционирования сюжетно-типологической модели мученического жития. Феномен функционирования такой модели заключается в том, что *она способна к реализации вне жанра.*

Совершенно очевидно, что под термином «воинская повесть» (далее – Вп) в древнерусской литературе объединяются разные исторические формы повествования. Существует разнобой и в терминологии. Само существование единой жанровой формы справедливо ставится некоторыми специалистами под сомнение (Е.А. Прохазка). Изученный материал свидетельствует, что в системе Вп имеется жанровый вариант, который *следует перевести из раздела «мирской» литературы в раздел литературы агиографической, так как его природа определяется житийной структурой, аналогичной структуре жития-мартирия.* Сравнительному анализу подвергнуты «жизнеописания» и образы воина и внешнего врага с жизнеописаниями и образами соответствующих житийных персонажей, рассмотрены представления о битве в христианской культуре.

Воин и монах – наиболее типичные и репрезентативные фигуры эпохи средневековья. Путь монаха резко отграничен от пути человека мирского, в том числе и воина. Но как бы ни были различны герои, судьба объединяет их – в ту минуту, когда воин выступил навстречу «врагу христианства», его путь становится схожим с путем инока.

Мировоззренческие представления средневековья породили целый церемониал подготовки к битве. Он носит соборный характер: регламентирует поведение и воинов, и тех, кто остаются дома. Функция церемониала: вымолить помощь у небесных сил, призвать Господа, Богородицу, святых на бой против врага, всем (соборно) укрепиться в духе, очиститься и подготовиться к смертному испытанию. Наиболее ярко церемониал выражен в относительно поздних произведениях (московского периода), которые повествуют о значительных сражениях и победах русских. В главе рассмотрены тексты, созданные в XV–XVI вв.: «Сказание о Мамаевом побоище», «Казанская история», «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» (далее – «Сказание», КИ и «Повесть»). Структура церемониала подготовки к битве (выхода на врага) включает в себя:

- молитвы и молебны;
- отпущение грехов, благословение князя (царя) и воинов митрополитом (другим авторитетным духовным лицом);
- прощание и наказ остающимся.

Нашествие врага понимается как выражение гнева Всевышнего за грехи христиан. Во время битвы должно быть оставлено все злое – греховные, трусливые и лукавые замыслы, заговоры и языческие атрибуты. Воины могут сражаться только «во имя Божие».

День битвы – день грозный суда Божьего для Русской земли. Поле брани – место, суженое Богом, «гроб за имя Христово». Враги – орудие Божьей мести. Бог судит не только Русскую землю, но и ее противников. Победа – воздаяние врагу, познание славы Господа и возвышение христианского рода. День победы – день радости и веселия, сотворенный Господом. И день великого плача по убиенным. Поражение же – свидетельство глубины греховного падения и наказание за него. Враг побеждает не потому, что на его стороне Бог, а потому, что Богу надо «казнить» грешников и очистить их тем самым от греха.

Время битвы – это молитвенное время духовного очищения, покаяния, перед предстоящим судом Божьим и возможным смертным часом. Это время единения, соборности, когда «*вкупе все*», и воины, и остающиеся дома, объединяются против врага, сил зла в стремлении выстоять и победить.

Время битвы – это время мученического подвига. Многим придется пролить свою кровь за веру, Русскую землю и великого князя (царя), а кому-то и сложить головы, т.е. принять от Бога мученические венцы. (Добавим, что это время «потрудиться» и добыть традиционные «честь и славу».) Волею автора КИ литургия сливается с битвой. А потому *битва, как и литургия, – святое время и святое состояние.*

Сражение с врагом – мистерия космического масштаба. В бой вступают воины земные и небесные, в схватке сходятся Свет и Тьма, силы Добра и Зла. Бог, Богородица, все Христово воинство, прежде всего святые – защитники Русской земли зримо и незримо участвуют в сражении. Отсюда сюжеты о спасении городов и целых земель представителями небесного воинства, победе над врагом креста, икон, постоянные описания «видений» (открывающимся людям особой духовной чистоты) – свидетельств участия в бою небесных сил (святых, ангелов и пр.), описания случаев, когда трупы врагов лежат там, где не ступала нога русского воина и т.п.

Без уяснения этих представлений невозможно постичь смыслы и сущность воинского служения и подвига.

Названные выше Вп заключают в себе ярко выраженное религиозно-агиографическое начало, ментальность мученичества. Вызвано это наличием в сюжете мученического конфликта.

По ту сторону конфликта в Вп выступает внешний враг. В своей характеристике это посланник дьявола, противник и искоренитель христианства, разрушитель святынь, мучитель. Само появление врага в «Сказании» означает завязку мученического конфликта.

Автор КИ описывает историю Казанского царства с момента возникновения и до падения. Данная линия строится по модели сюжета о появлении на свет природного зла. Через мотив *злого рождения* – от змея-аспида-беса и от «злого древа», Золотой Орды, автор объясняет злую, «кровопийственную», *природу* обитателей Казанского царства и исход Божьего суда – *возмездие*, гибель этого царства.

В характеристике же русских воинов, прежде всего, великого князя («Сказание») и царя (КИ) существенны *агиографические мотивы*. В желании Дмитрием Ивановичем «небесного» и чаянии «будущих вечных благ» от Бога очевидна заявка на мученичество. В лице главного героя исторической Вп мы легко узнаем героя, аналогичного классическому герою жития-мартирия.

Провиденциалистское понимание истории и строго иерархическое устройство средневекового общества неизбежно приводили к мысли о вине и грехе, прежде всего, первых лиц в государстве за те беды и напасти, которыми карает Бог Русскую землю. И Дмитрий Иванович, и Иван IV осознают свою вину, изъявляют желание первыми пострадать за веру.

Всем русским воинам судьба предоставила возможность уподобиться христианам-первомученикам. В речи Дмитрия Ивановича перед князьями главное – бороться за веру, которой просветил Владимир киевский Русскую землю: *«Аще кто ея ради постраждет, то въ ономъ вѣцѣ съ святыми прѣвомучившимися по вѣрѣ Христовѣ причтенъ будетъ»*. Князья в один голос отвечают согласием, перефразируя евангельскую цитату, которой мотивируется подвиг всякого христианина, решившего отречься от мира и посвятить себя служению Богу. «Всякъ, иже оставитъ домъ, или братаго, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имени моего ради, сторицею прииметъ и животъ вечный наследитъ» [Матф. 19, 29]. В структуре цитаты первая смысловая часть, в которой говорится о необходимости ухода и отречения от мира во имя Христа, заменена автором на смысловую единицу, раскрывающую в контексте «Сказания» воинский подвиг мученичества (ниже мы выделяем ее курсивом). *«Рече бо Господь: "Аще кто постраждетъ, имени моего ради, то въ будущий вѣкъ сторицею въсприиметъ животъ вечный"»*. Отсутствующий в Евангелии

текст в «Сказании» представлен в качестве евангельской заповеди! Готовый исполнить ее великий князь свершает, по словам книжника, именно «евангельскую заповедь», «закон Божий». Воины, идущие на битву, не должны помышлять о земной жизни, о женах и детях, отцах и матерях, имуществе и домах, славе и богатстве, не должны бояться, а с радостью идти на подвиг. В рассматриваемых Вп требование исполнения данной заповеди является одним из структурообразующих. В «Сказании» эту заповедь исполняют все воины, они переходят Дон и рушат мосты: впереди только победа, если не физическая, то духовная («венец победный»). «Сказание» конкретизирует идею мученичества рассказом «верного самовидца» о том, как во время битвы руки проповедников и пророков из небесного облака *«много венцевъ дръжаше и опустишася над плъкомъ, на головы християньскыя»*. Те же смыслы реализуются и в КИ.

Путь воина: пребывание в вере, твердость в ней, доказываемая целомудрием, воздержанием, исполнением заповеди отречения от мира, готовностью к мученичеству. Несмотря на отчетливое противопоставление образов монаха и воина, иноческого и воинского путей они оказываются изоморфными. Итог жизненного пути воина тот же, что и монаха (в идеале) – достижение царства небесного. Более того, если так можно выразиться, воин достигает этого проще: не многолетним подвижничеством, а однократным актом-подвигом – мученической смертью в бою. Тождество святости и гибели христианина от рук врага безоговорочно. Воин святой-мученик. Даже если ему не суждено погибнуть, он «мученик произволением» только потому, что встал на путь воинствования за веру, Русскую землю, дело великого князя. Пролитая кровь и полученные в сражении раны – знаки его святости.

Воин и монах объединены общей функцией воинствования. Оба они «воины Христовы», но монах воинствует не в доспехах и с мечом в руках, не проливая кровь, а духовно, ведя непрестанную борьбу с духами злобы и силами тьмы. Его оружие, доспехи и ограждение – сама вера, учение Христа, слово и свет его Истины, духовные добродетели, молитва, пост, всенощное бдение, крест, икона, святая вода, монашеская одежда и т.п. Смыслы воинствования для христианина сформулированы в Новом Завете апостолом Павлом. «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, И обувши ноги в готовность благовествовать в мир; А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» [Еф.

6, 13–17]⁷. Древнерусские тексты дают бесконечный ряд примеров такого рода воинствования. Если монах (и любое духовное лицо) воинствует «не против крови и плоти», то для воина одновременно открыты оба бранных пути: и с оружием в руках, и духовный. Выступая на врага, воины-христиане вооружаются не только мечами и копьями, но и молитвой, иконой, крестом, стягом с ликами Спаса и святых, благословением и пр.

В разного рода работах неоднократно были продемонстрированы или поддержаны попытки отграничить идеальную «светскую» характеристику воина от характеристики церковной. Например, Н.И. Серебрянский высказал гипотезу о существовании «более древнего опыта биографии благов. князя» Александра Невского, автором которой был его дружинник. Затем А.С. Орлов и В.Л. Комарович попытались вычленить фрагменты гипотетической начальной биографии князя, относя светские фрагменты к автору-дружиннику, а церковные – к монаху. (И.П. Еремин и Ю.К. Бегунов справедливо сочли такой подход научно несостоятельным.)

В самих средневековых текстах воинское и монашеское служение (путь, судьба) могут быть представлены как определенного рода тождество. В середине XVII в. написана поэтическая редакция «Повести об Азовском осадном сидении». В ней выражено самоопределение казачества, дан ответ на вопрос «кто мы?» Казаки названы «людьми Божьими, Царя небесного», а воинская служба приравнена к пустынножительской, при этом она понимается как мученичество за веру, Русскую землю и православного царя. Автор «поэтической» редакции повести Федор Порошин, предвидя возможность отказа в помощи со стороны Москвы в удержании Азова, писал: «Подыдем мы, грешные, икону Предтечеву, да пойдем с ним, Светом, где нам он велит. *А атамана поставим у его образа, – тот у нас будет игуменом, а ясаула пострижем, то[т] нам будет строителем.* <...>, а не отступим ево, Предтечева образа, – помрем все тут до единого! *Будет во веки слав[н]а лавра Предтечева*». Под пером автора воинское сообщество легко трансформировалось в монастырское общежитие. Уподобив воинскую службу вольного казачества службе монашеской, пустынножительской, Федор Порошин ясно выразил тождество между воинствованием «по плоти» – против реальных внешних врагов и воинствованием против врагов духовных – сил тьмы.

«Моральная концепция русской истории сложилась в древнерусской исторической литературе только после нашествия Батыя»⁸, – пишет

⁷ Ср. также: 2-е Коринф. 10, 3, 4; Еф. 12; Римл. 13, 12; 1-е Фесал. 5, 8.

⁸ Лихачев Д.С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3-х т. - М., 1987. - Т. 3. - С. 303.

Д.С. Лихачев. Комплекс взглядов русских авторов на воинское служение существенно дополнил представления о воинствовании в православной культуре. Рядом со служителем церкви, духовным лицом встала еще одна фигура «воина Христова» – ратника, защитника Русской земли. *Основой нравственного кодекса ратного служения стало учение о мученичестве.* Представления о воинском служении внесли значительное дополнение в это учение – к типу христианского (единичного или коллективного) мученического подвига добавился тип мученического подвига соборного православно-патриотического. Если классический мученик гибнет за христианскую веру от руки язычника, то православный воин – от руки внешнего врага на поле брани за веру, Русскую землю и дело (обиду) великого князя (царя).

Природа исторического повествования, задачей которого является изображение воинского похода и битвы, не допускает каких-либо развернутых, сюжетных жизнеописаний. Мученик и мучитель предстают в Вп не в своих жизнеописаниях, а на уровне структуры образа. В качестве своеобразного исключения в КИ мы обнаружили сюжет, рассказывающий о судьбе татарского царства, который представляет типологическую параллель жизнеописанию «природного» злодея (каким, например, выступает князь Святополк в произведениях борисоглебского цикла).

Противником христианской веры, мучителем в Вп выступает внешний враг, иноверец. Отсюда соответствующая характеристика персонажа. Главный герой Вп – великий князь (царь), однако ратный подвиг представлен в сюжете как соборный. Удельные русские князья, воеводы, простые воины – также герои произведения. А потому невозможно говорить и о самостоятельном (внесоборном) княжеском (царском) воинском подвижничестве. (В данном случае мы оставляем в стороне вопрос о «княжеских житиях».)

Воин – фигура сакральная в христианском сознании. В начале повествования воины – «мученики произволением». И только погибшие, претерпевшие «конечное» страдание – мученики в подлинном смысле слова.

Основными составляющими соборного мученического подвига в Вп агиографического типа являются мотивы:

- покаяния, очищения и аскезы,
- желания мученического подвига, готовность к нему,
- исполнения заповеди отречения от мира,
- гибели на поле брани за веру и Русскую землю.

Отсвет подвига падает и на оставшихся в живых. Пролитая ими кровь, полученные раны, героические поступки – тоже знаки святости.

Итак, существуют воинские повести, природа которых определяется агиографической, житийной структурой⁹. Мы назвали их *«воинскими повестями агиографического типа»*. Не следует возводить генезис их структуры к структуре жития-матирия. *Это типологически сходные конструкции*, не более того. Обе они восходят к общему источнику: к сюжету-архетипу о Христе и Антихристе. А потому *данная структура органична природе рассмотренных воинских повестей*. Содержательная ее сторона выражает те представления о нашествии, битве, воинском служении и подвиге, которые сформировались в русской средневековой культуре под влиянием христианства.

Глава 3. «Христос и Антихрист». Архетипический сюжет в Посланиях Ивану Грозному и «Истории о великом князе Московском» А. Курбского. Качественно новый этап в развитии представлений о мученичестве связан с именем и эпохой Ивана IV. Мучителем он представлен в Посланиях и «Истории о великом князе Московском» (далее – «История») А. Курбского. Задача настоящей главы заключается в том, чтобы *описать «картину мира», структуру сюжета, вышедшего из-под пера писателя, как воплощение варианта архетипического сюжета о Христе и Антихристе.*

«История» включает в себя две основные части. Первая – развернутое повествование («хроника»), в центре которого жизнеописание Ивана Грозного. Вторая – мартиролог, состоящий из кратких характеристик или жизнеописаний убитых от его рук, более 400 имен. Фрагменты «Истории», в которых излагается жизнеописание Ивана IV, являют яркий пример воплощения структуры архетипического сюжета об Антихристе.

Писатель-обличитель уподобляет московского самодержца апокалипсическому зверю, называет его *мучителем варварским, убийцей сынов, погубителем отечества, внутренним змеем, антихристовым сыном и стаиником и т.п.* Жизнеописание Грозного – история постепенного и неуклонного погружения его во зло. Причины, приведшие царя на путь злодеяний: козни дьявола, раннее сиротство, последующее воспитание боярами–потакаателями, злые советники. Однако не менее важная догадка автора заключается в другом. Еще в Первом послании, проводя параллель с *«от блуда зачатый, богоборный Антихристом»*, Курбский писал о некоем советнике *«от прелюдодаяния»* рожденном, шепчущем «ложные во уши царю» и льющем «кровь христианскую, яко воду». В «Истории» автор

⁹ Напомним аксиоматическую посылку структурно-типологического подхода: описание внутри- и межструктурных связей позволяет выявить закономерности строения и функционирования текста, его глубинную семантику, т.е. самую его сущность.

прямо пишет о рождении царя от блуда. Злые нравы в род русских князей *«всеял диявол»* чародеицами, злыми женами-иноплеменницами. Отец Грозного, Василий III, женился второй раз на литвинке Елене Глинской, заточив в монастырь после двадцатилетнего брака первую «неплодную» жену Соломонию Сабурову. Курбский считает этот брак незаконным (он не одинок в такой точке зрения) и обвиняет князя, что *«ко плодотворению»* способствовали многочисленные чаровники, *«презлые советники сатанинские»*. *«И за помощью их от прескверных семян, по преизволению презлому, а не по естеству, от Бога вложенному, уродились ему два сына. Един <...> прелюты и кровопийца»*. Таким образом, Иван Грозный родился, во-первых, от прелюбодеяния отца с иноплеменницей, во-вторых, от колдовства. На свет явился не обычный ребенок, но великий злодей. *«Тогда зачался нынешний Иоан наш, и родилась в законопреступлению и во сладострастию лютость»*. Но зло в роду московских князей появилось еще раньше. Матерью Василия III тоже была иноплеменница, Софья Палеолог. Иван III женился на ней после смерти первой жены, тверской княжны Марии. Отношение к этому браку выражено в «Истории» одной фразой, но также негативной: *«Той-то князь Василей <...> от чародеицы греческие рожден»*.

Появление на свет отпрыска московского великокняжеского рода – воплощение греха уже в третьем поколении, он несет в себе больше зла, чем его предки. Судьба Ивана IV, по определению Курбского, – *переполнить «меру кровопивцев – отца своего и матери твое и деда»*. Грозный избрал *«антихристов путь»*, *«водящий в погибель»*. Рожденный от блуда, он имеет *«развращенный ум»* и сам является блудником.

Все составляющие жанровой структуры жития-мартирия: жизнеописание мучителя, конфликт, жизнеописание мучеников (мартиролог) – присутствуют в «Истории». *Жанровая структура мученического жития выступает в качестве моделирующего, системного начала в произведении, определяет логику повествования*. «История» отнюдь не житие, но житийная структура оказалась наиболее адекватной для описания исторического конфликта эпохи царствования Ивана IV.

Ситуация с написанием «Истории» по сравнению с появлением сочинений о Борисе и Глебе (и аналогичных других) имеет специфический характер. В последнем случае для авторов, третьих лиц, конфликт между членами княжеской семьи – историческое прошлое. *Для Курбского мученический конфликт разворачивается в настоящем времени, он один из его участников*. Воевода не явил подвига непротивления, но предпочел бегство, эмиграцию. Грозный не без иронии упрекал беглого князя: *«А аще праведен еси и благочестив, про что не изволил еси от мене, строптиваго*

владыки, страдати и венец жизни наследити?» (Эти слова ясно характеризуют конечные намерения самодержца в отношении дерптского воеводы.)

С точки зрения московского царя, беглый князь – «изменник», «крестопреступник». Курбский же свое бегство воспринимает как изгнание из любимого отечества без вины. Он видит в своем бегстве поступок, подобный деянию Христа. «"Аще, рече [Господь], гонят вас во граде, бегайте во другий" [см.: Матф. 10, 23]. А к тому и образ Господь Христос, Бог наш, показал верным своим, бегающе не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов» (Третье послание).

Курбский апеллирует к суду Божьему. Восприятие фигуры московского князя как апокалипсического зверя (свершение разгадки тайны антихристовой природы Ивана IV) неизбежно создавало нравственную дистанцию между ним и героем, вело к внутреннему отторжению от него. Аргументы в пользу своего морального превосходства автор пытается отыскать также в истории собственного рода и фактах своей жизни. Его произведение неизбежно должно было принять форму мемуаров, более того, оно должно было включить элементы *автобиографии*. Таким образом, «История» содержит в себе два параллельных описания, связанных антиномичными смыслами (ср. с бинарной структурой жития-мартирия и сюжета-архетипа).

Свое происхождение Курбский ведет «от благородных родителей» из поколения «праотца», канонизированного смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича (Третье послание). Он вспоминает «*святое жительство*» Семена Курбского, брата своего деда. Вместе с Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком тот выступил против второго брака Василия III и навсегда был удален от двора. Автор показывает, что конфликт между родами имеет глубокие корни: еще в третьем поколении князей Курбских (если вести отсчет назад) были обличители, пострадавшие от великокняжеской власти. «*О святом жителстве*» Семена «не токмо тамо Руская земля ведома, но и Герберштейн <...> на Москве был и уведал, и в «Кронице» своей свидетельствует». Упоминание о Герберштейне нужно, прежде всего, для западного читателя. Несомненно, в этом сказалось желание показать известность членов семейного древа, возвысить их роль и значение. По этим линиям (преувеличение роли и описание «святого жительства») и строит автор повествование о представителях собственного рода.

В «Истории» Курбский описывает необычайные подвиги своего брата, Романа, во время казанского взятия 1552 г. Автор украшает его высшими воинскими, мирскими и христианскими добродетелями. От

полученных ран Роман умер в следующем году. Святые-мученики – представители рода, князя ярославские, уничтоженные Грозным. Себе в заслугу князь Андрей также ставит, прежде всего, воинскую службу. На страницах «Истории» он предстает, как и его брат, едва ли не былинным богатырем. И это не случайно, ибо образ идеального воина в восприятии средневекового человека, как мы видели, окружен ореолом святости.

Курбский изображает себя *«мучеником произволением»*, потому как *«с поощрением сердца и со радостию бишася з босурманы за православное христианство»*. Пролитая кровь, полученные раны, готовность умереть в бою – главные его заслуги перед Всевышним, царем и отечеством.

На автопортрете Курбский – человек высокой христианской учености (элемент сакральной характеристики). Писатель-полемист не раз признает за своим противником искусное знание Священного Писания, но в собственных глазах он куда более искушен в нем и в сочинениях отцов церкви. Об этой стороне его личности писалось неоднократно. В своих религиозных взглядах он консерватор и догматик, воинствующий защитник православия.

Итак, «автобиография» Курбского предстает *в качестве некоего собственного жития*. Это житие книжника, идеального христианина-воина, «мученика произволением». Его основные мотивные составляющие:

- происхождение от святого корня, от «благородных» родителей;
- глубокое знание христианского учения;
- отречение от мирского во имя воинского служения;
- готовность к мученичеству на поле брани.

С этой высокой, по существу, сакральной позиции Курбский обличает царя-антихриста (мы употребляем данное определение исходя из архетипических смыслов сюжета об Иване IV в «Истории» и Посланиях).

Описывая свое служение, Курбский параллельно рисует и образ самодержца – государственного деятеля и воина. Грозный обвинен в трусости. Он думает не о закреплении победы над татарами, но спешит «ко царице своей». (Собственная роль в покорении татарского царства представлена автором значимее роли Ивана IV.) Правитель слушает не храбрых и мужественных советников (среди них, разумеется, Курбский), но товарищей «трапез и купков и различных наслажденных». Он не исполнил исконную обязанность – воздать победителям (живым и павшим), позаботиться о матерях, вдовах и сиротах. Он казнил и убивал проливавших кровь! Поведение Грозного не соответствует царскому званию. В названии «Истории» автор оставляет за ним лишь титул великого князя.

Наиболее подробно вопрос о связи сочинения Курбского с жанром «жития» рассмотрен Д.С. Лихачевым. «Он ищет новый жанр – историю одной личности, а в дальнейшем – историю одного царствования. В начале он пытается строить биографию Грозного как некую антитезу житию святого. По тем же рубрикам, тем же традициям, что и жития святых, но с другим знаком – резко отрицательным». «Он <...> строит его жизнеописание как своеобразное антижитие. <...> это житие по жанру, но перевернутое, как бы опрокинутое в зло». Оценка Д. С. Лихачева весьма категорична – «житийный жанр не удался Курбскому». «Историю» он называет «монструозным» жанровым образованием.

Нам представляется, что «Историю» следует соотносить, в первую очередь, не с «антижитием», а с «житием». Она цементируется агиографической структурой. Жизненная, а шире – историческая, ситуация заставила писателя неосознанно выстроить сюжетику произведения по модели жития-мartyрия. Что касается сюжета о Грозном, то из-под пера Курбского вышло жизнеописание *природного героя-злодея*. Впервые такого типа жизнеописание в русской литературе появилось в XI веке и в составе именно жанра «жития» – это биография князя Святополка.

В основе «жизнеописания» Ивана IV в «Истории» лежит архетипический сюжет об Антихристе (в варианте жития-мartyрия). Специфика «сюжета Курбского» проявляется в каждом из сюжетообразующих мотивов. В усложненном виде представлен мотив рождения. Идея природной греховности героя раскрыта через мотив *накопления* родового греха. Рождение осложнено и мотивом зачатия *от колдовства*.

Специфичен и мотив «злой смерти». Иван IV пережил своего обличителя. Но мотив смерти царя выражен у Курбского – как *предсказание будущего*. Писатель пророчествует Грозному ад, гибель царского дома. Как бы к этому ни относиться, мистическое пророчество сбылось в реальной истории. Царствующий московский род оборвался на детях Грозного.

Совершенно иные масштабы имеет мученический конфликт – он растворен в жизни, в ее обыденности. Используя слово трагедия, автор создает сюжет, который является обозначением той точки в истории, с которой русская жизнь выкристаллизовалась (на столетия вперед) как трагедия, жизнь народная – как жизнь мученическая. В этом сюжете святорусская земля превратилась в «варварскую землю», *пространство ада*. В эпоху Грозного сформировался взгляд на русского правителя как на мучителя, «внутреннего змея», царя-Антихриста (ср.: Петр I в старобрядческой литературе).

Впервые в русской культуре оформляется и неофициальная точка зрения на святость. Не церковь канонизирует убиенных мучеников и не мирские власти добиваются признания чьей-либо святости, а вне и вопреки позиции государственной власти святыми признаются пострадавшие от нее.

Рассматриваемый конфликт порождает не только мученичество, но и эмиграцию. Сознание Курбского предстает как эсхатологическое. На русскую жизнь он смотрит через «Апокалипсис». Писателю выпало жить в «звериный век». Не случайно «История» заканчивается апокалипсической картиной убийства Антихриста и всеобщего воскресения.

Архетипический сюжет о Христе представлен в тексте не только в варианте мученического жития (матриолог), но и своеобразным житием-автобиографией автора. Князь Андрей солидаризируется с убиенными, ставит себя рядом с ними в позицию праведника.

Во втором послании к Вассиану Муромцеву Курбский укорял мирских и духовных властителей и сетовал, что нет в Русской земле тех, кто воспретил бы им и царю законопреступления. И в начальный период развития русской литературы были книжники, смело судившие неправедных властителей, но сюжетика русской жизни второй половины XVI века дает опять же качественно новую, небывалую до того ситуацию. В этой сюжетике писатель восходит на неизмеримую высоту (по существу, на Голгофу): он обличитель «смердящей и проклятой», антихристовой власти, он судия, пророк, праведник, едва ли не святой-мученик при жизни. За его образом видится лик Христа, и судит мир он с позиции Сына Божия. Бунт, эсхатология и сюжетика Курбского – преддверие бунта, эсхатологии и сюжетики XVII века и последующих веков.

Заключение. В работе представлено исследование сюжетной типологии «преподобнического жития» и «жития-матирия», генезиса жанра, описания его сюжетного архетипа. Основное внимание уделено сюжетной модели «мученического жития» - особенностям ее функционирования: описанию (открытию) типологически сходной структуры в «воинских повестях агиографического типа» и «иных», не житийных, жанрах - цикле сочинений А. Курбского.

Сюжет о Сыне Божьем является центральным сюжетом христианской цивилизации. Как выясняется, параллельно с ним существует скрытый сюжет об Антихристе, также играющий колоссальную роль в организации пространства культуры – описании сферы зла. Архетипический сюжет о Христе и Антихристе предстает генетически исходной точкой для литературного сюжета (входящего в типологический ряд).

Любая типология является неполной, частичной. Типологические ряды только обозначены нами, их исследование требует продолжения. Сюжет-архетип выполняет в литературе моделирующую, сюжетообразующую функцию. Имея в виду перспективы, скажем, что и в Новой русской литературе прослеживается функционирование сюжета, который восходит к архетипической модели «Христос – Антихрист». Построение достаточно полной типологии означало бы создание тысячелетней истории русской литературы на предложенных структурно-типологических принципах, т.е. в целом в границах намеченного типологического ряда.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Васильев В.К. Век XI и век XX: два сюжета русской литературы // Материалы XXVII Всесоюзной науч. студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1989. - С. 78–84.
2. Васильев В.К. Миф о Христе и Антихристе как архетипический сюжет в русской литературе // Литература и книга: сб. научн. ст. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1997. - С. 33–47. (Серия «Книга и литература»).
3. Васильев В.К. К проблеме описания «национального сюжетного пространства» // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: сб. тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1997. - С. 212–214.
4. [Васильев В.К.] Проблемы типологического анализа текста: методические рекомендации. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1998. - 24 с.
5. [Васильев В.К.] Проблемы типологического анализа текста: методические рекомендации. - Изд. 2-е, испр. и доп. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. - 18 с.
6. Васильев В.К. Аналитическая психология и литературоведение // Культурология и художественная культура: Региональная научно-практическая конференция: сб. материалов. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. - С. 63–65.
7. Васильев В.К. Литературоведение и феномен сюжета-архетипа (ст. первая) // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. - № 2. - С. 81–85.

8. Васильев В.К. Литературоведение и феномен сюжета-архетипа (ст. вторая) // **Вестник** Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2001. - № 1. - С. 98–103.
9. Васильев В.К. Проблемы структурно-типологического анализа текста. Сюжетная типология русской литературы XI–XX вв.: («Житие», «воинская повесть», А. Курбский, В. М. Шукшин): учеб. пособие. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2002. - 146 с.
10. Васильев В.К. Церемониал подготовки к битве (на материале древнерусских воинских повестей) // **Вестник** Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2002. - № 2. - С. 132–137.
11. Васильев В.К. Образ воина и представления о ратном служении в культуре русского средневековья (ст. 1) // **Вестник** Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2003. - № 4. – С. 132–136.
12. Васильев В.К. Архетипический сюжет в произведениях А. Курбского // Книга и литература в культурном контексте: сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археографической работы в Сибири (1965–2000 гг.) / сост. и отв. ред.: Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. – Новосибирск, 2003. – С. 117–142.
13. Васильев В.К. Образ воина и представления о ратном служении в культуре русского средневековья (ст. 2) // **Вестник** Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2004. - № 6. - С. 210–215.
14. Васильев В.К. Типология и интертекстуальность // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2005. - С. 286–289.
15. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. (Архетипы русской культуры): учеб. пособие. Ч. I. – Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2006. - 243 с.
16. Васильев В.К. К вопросу о разграничении индивидуального и внеличного в творчестве // Феномен творческой личности в культуре. II Междунар. конфер. 26–27 октября 2006 г. - М.: МГУ. 2006. - С. 166–178.
17. Васильев В.К. Новые методы в исторической науке // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. Красноярск – Железногорск 14–16 марта 2007 г. Вып. 2. - Красноярск – Железногорск, 2007. - С. 22–32.

18. Васильев В.К. О «воинских повестях агиографического типа» // Провинция в русской культуре: сб. науч. ст. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; Новосиб. гос. ун-т; сост. и отв. ред.: Е.И. Дергачёва-Скоп, В.Н. Алексеев. – Новосибирск, 2007. – С. 327–350. – (Серия «Книга и литература»).

19. Васильев В.К. Проблемы научного метода в современном литературоведении // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. материалов II междунар. науч. конф., 10-12 сентября 2007 года. – Красноярск 2007. – С. 361-365.